

Души тут ни у кого нет, а вся жизнь
в служении у доллара. Не дай Бог, если Россия
когда-нибудь доживет именно до такой свободы.

Федор Шаляпин

B первые цикл очерков Максима Горького «В Америке» был напечатан в «Сборнике товарищества «Знание» за 1906 год», в том же году издан за границей в Штутгарте отдельной книгой: «М. Горький. В Америке (Очерки). Часть первая». Очерки были написаны весною и летом 1906 года в Америке. Актуальность этого произведения для нашего времени не требует особых комментариев, поскольку экзистенциальный образ Америки, созданный в ключе поэтики импрессионизма (само понятие «реализм Горького» следует понимать очень широко, поскольку он включает в себя самые разнообразные стилистические элементы), не только не устарел, но со временем явно обнаруживает свою особую, «пророческую» глубину.

М. Горький сообщал в письмах друзьям о своих первых впечатлениях от Америки так. В письме к К.П. Пятницкому он отмечал, что американцы «слишком бизнесмены — люди, делающие деньги, — у них мало жизни духа». Тогда же, сопоставляя Россию с Америкой, Горький признавался И.П. Ладыжникову: «Мы далеко впереди этой свободной Америки, при всех наших несчастьях! Это особенно ясно видно, когда сравниваешь здешнего фермера или рабочего с нашими мужиками и рабочими». Появление в американском журнале «Аппельтон мэгэзин» очерка «Город Желтого Дьявола» вызвало целый поток читательских откликов. В одном из писем в августе 1906 года М. Горький заметил, что даже сенаторы пишут возражения. К.П. Пятницкому он говорит: «Знаете — в ответ на мою статью в «Аппельтоне» о Нью-Йорке газеты получили более 1200 возражений! Я скоро напечатаю статью «Страна подростков», в которой буду доказывать, что американцы, даже когда они лысы, седы и жуют вставными зубами, даже когда они профессора, сенаторы и миллионеры, — имеют не более 13–15 лет от роду. Вероятно, меня задавят возражениями». Хотя статья «Страна подростков» так и не была написана, однако главная мысль ее — глубокий инфантилизм американского мировоззрения — в полной мере нашла свое выражение и в упомянутых очерках.

Позднее, уже в 1920-е годы, в «Ответе на анкету американского журнала» М. Горький скажет: «Вы спрашиваете: «Ненавидит ли ваша страна Америку, и что вы думаете о цивилизации Америки?» Уже в самом факте постановки таких вопросов и в такой форме заключено нечто по-американски уродливо преувеличенное, раздутое. Не могу представить себе европейца, который способен поставить такие вопросы ради того, чтоб «сделать деньги». Разрешите сообщить, что на первый ваш вопрос — так же как и на всякие иные — я не имею права отвечать от лица всех 150 миллионов граждан моей страны». И далее: «даже в тех странах, кровь которых ваши капиталисты превращают в доллары... не найдется ни одного разумного человека, который присвоил бы себе право сказать вам от имени своего народа: «Да, моя страна, мой народ ненавидит Америку, весь ее народ». В этих строках за почти издевательской иронией Горького, тем не менее, очевидна его главная мысль об Америке как сложном феномене, который при всех его разрушительных действиях по отношению к остальному миру, остается частью общечеловеческой судьбы. Именно эта мысль ранее двигала и автором очерков «В Америке».

В этом интервью он рационально сформулировал то, что ранее было художественно выражено в очерках: «то, что вы называете цивилизацией США, не возбуждает и не может возбудить у меня симпатии. Я думаю, что ваша цивилизация — это самая уродливая цивилизация нашей планеты, потому что она чудовищно преувеличила все многообразные и позорные уродства европейской цивилизации».

Для русского писателя Америка является высшей стадией развития и символом капитализма как такового, и поэтому он говорит: «Капиталисты всех стран одинаково противное и бесчеловечное племя, но — ваши хуже. Они, видимо, более глупо жадны к деньгам. Кстати: слово «бизнесмен» я перевожу для себя словом — маньяк.... Что, кроме денег, создают капиталисты? Пессимизм, зависть, жадность и ненависть».

А так называемый «американский идеализм», о котором часто писали в то время, у М. Горького вызывает лишь иронию, поскольку он «есть не что иное, как наивнейший оптимизм людей, еще не переживших драм и трагедий, в общем именуемых историей народа». Тем самым, неявно выражена мысль о крайней бедности содержащихся американской истории, которая не могла стать для народа школой духа и нравственного подвига, но развивала в людях лишь алчность и пустоту.

Непосредственно в очерках главным является образ Нью-Йорка и живущих в нем людей. И город, и люди показаны предельно отстраненно и обезличенно, но с сильной энергией грубых импрессионистических метафор, создающих весьма жуткую атмосферу царства смерти. Горький жестко и последовательно пользуется именно таким художественным методом, избегая полутонов и оговорок — такова его стратегия, и именно она в силу своей бескомпромиссности и создает тот особый, жестокий и незабываемый художественный эффект, который никого не оставит равнодушным.

Нью-Йорк жестко уподобляется архетипическому образу чудовища, заглатывающего и поглощающего живых людей: «Войдя в него, чувствуешь, что ты попал в желудок из камня и железа, в желудок, который проглотил несколько миллионов людей и растирает, переваривает их. Улица — скользкое, алчное горло, по нему куда-то вглубь плывут темные куски пищи города — живые люди. Везде — над головой, под ногами и рядом с тобой — живет, грохочет, торжествуя свои победы, железо. Вызванное к жизни силою Золота, одушевленное им, оно окружает человека своей паутиной, глушит его, сосет кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы».

Образ чудовища, поглощающего живых людей и обрекающего их на безвыходные муки, имеет явный инфернальный смысл и отчетливо перекликается с образом православной иконографии, в котором ад часто изображается не только в виде огненного озера, но и в качестве огромной сжатой пасти змея-диавола, где находятся нераскаявшиеся грешники. Именно таков и Нью-Йорк в полумистическом навязчивом видении Максима Горького.

Соответственно, адским является и внутреннее состояние находящихся здесь людей: «...люди мертвы и одиноки в сетях многоэтажных домов, они кажутся карликами в черной тени высоких стен, они заплутали в хаосе безумия вокруг них... Ихтиозавры капитала стерли из памяти людей значение творцов свободы. Кажется... люди охвачены одной и той же тяжелой мыслью: «Разве такую жизнь хотел я создать?» Вокруг кипит, как суп на плите, лихорадочная жизнь, бегут, вертятся, исчезают в этом кипении, точно крупинки в бульоне, как щепки в море, маленькие люди. Город ревет и глотает их одного за другим ненасытной пастью. Одни из героев опустили руки, другие подняли их, протягивая над головами людей, предостерегая: «Остановитесь! Это не жизнь, это безумие». Все они — лишние в хаосе уличной жизни, все не на месте в диком реве жадности, в тесном плена угрюмой фантазии из камня, стекла и железа».

Очерк «Город Желтого Дьявола» — это не только художественная «анатомия» общества, состоящего из «живых трупов», но и прямое обличение нравственного самообмана этих людей, считающих себя тем свободнее, чем более они на самом деле порабощены:

«Лица людей неподвижно спокойны — должно быть, никто из них не чувствует несчастья быть рабом жизни, пищей города-чудовища. В печальном самомнении они считают себя хозяевами своей судьбы — в глазах у них, порою, светится сознание своей независимости, но, видимо, им непонятно, что это только независимость топора в руке плотника, молотка в руке кузнеца, кирпича в руках невидимого каменщика, который, хитро усмехаясь, строит для всех одну огромную, но тесную тюрьму. Есть много энергичных лиц, но на каждом лице прежде всего видишь зубы. Свободы внутренней, свободы духа — не светится в глазах людей. И эта энергия без свободы напоминает холодный блеск ножа, который еще не успели иступить. Это — свобода слепых орудий в руках Желтого Дьявола — Золота».

Импрессионистический образ, как это часто бывает у Горького, органически перерастает в пафосный памфлет и моральное обличение:

«Я впервые вижу такой чудовищный город, и никогда еще люди не казались мне так ничтожны, так порабощены. И в то же время я нигде не встречал их такими трагикомически довольными собой, каковы они в этом жадном и грязном желудке обжоры, который впал от жадности в идиотизм и с диким ревом скота пожирает мозги и нервы... О людях — страшно и больно говорить... Привыкли к этим стремлениям без цели, привыкли думать, что тут есть цель... привыкли принимать эту отвратительную жизнь как должное, неизбежное».

Два других очерка из цикла «В Америке» специфически оттеняют первый как обобщенную картину, придавая ей частные отражения, которые усиливают общий эффект изображения инфернального мира, делают его образ объемным и многомерным. Очерк «Царство скуки» дает яркую и пронзительную своим трагикомизмом картинку попыток людей развлекаться после недели утомительной работы. Горький с грустью называет эти попытки «забавами рабов». Вся грандиозность американской «индустрии развлечений» объясняется именно ее неэффективностью, ее неспособностью дать человеку подлинную радость, которую он безуспешно пытается заменить переживанием «остроты ощущений». Лишь одурманивая человека на краткое время, они ничего не дают его душе, лишь еще больше опустошая и озлобляя ее. Именно поэтому все это буйство развлечений — на самом деле лишь бессмысленные «забавы рабов».

Другой способ забыть о своем порабощении бессмысленной погоней за Желтым Дьяволом показан в очерке «Mob» — этот американизм, отсутствовавший в классическом английском языке, на слэнге означает «толпа». Здесь Горький ярко предвосхитил столь популярные затем в XX веке исследования «психологии толп» (С. Московичи) и «животную психологию масс» (Э.Канетти). Суть «толпы» как особого явления, возни-

кающего при стихийном объединении людей в единую массу, движимую уже не разумом, а первобытными инстинктами, писатель изображает следующим образом: «...праздность вопросительно смотрит в глаза, требуя, чтобы пустота ее была чем-то наполнена. Научив людей работать, их не учили жить, и потому день отдыха является для них трудным днем. Орудия, вполне способные создать машины... они не чувствуют себя способными наполнить день чем-либо иным, кроме привычной, механической работы. Куски и части — они спокойны и чувствуют себя людьми на фабриках, в конторах, в магазинах, где они слагаются с подобными себе частями в цельный, стройный организм... Шесть дней недели жизнь проста, она — огромная машина, все люди — ее части, каждый знает свое место в ней, каждый думает, что ему знакомо и понятно ее слепое, грязное лицо. В седьмой же день — день отдыха и праздности — жизнь встает перед людьми в странном, разобранном виде. Человек чувствует в себе возможность вопроса, и эта возможность вызывает у него инстинктивное желание избежать встречи с ней. Невольно люди жмутся один к другому, сливаются в группы... и стремление частей к созданию целого — создает толпу... сотни пустых глаз принимают единое выражение, смотрят одним взглядом — подозрительно ожидающим взглядом, который бессознательно ищет нечто, о чем пугливо доносит инстинкт. Так рождается страшное животное, которое носит тупое имя «*Mob*» — толпа».

Объединение людей в это «страшное животное» является неизбежным в таком бессмысленном обществе, которое показывает М.Горький, оно имеет вынужденный характер. Ведь только в такой массе, хотя она так же бессмысленна, как одиночество, человек может ощутить иллюзию своей силы и осмысленности жизни, почувствовать хоть какую-то близость и теплоту людей, чего он уже лишен в обычной жизни. «*Mob*» — это тоже «забава рабов», но уже не настолько безобидная, как в обычных развлечениях — эта толпа становится агрессивной и беспощадной, легко растаптывающей человеческую жизнь, чтобы лишь насладиться своей силой. И по принципу такой толпы на самом деле построена вообще вся современная «цивилизация потребления». Ненасытным «потребителем» товаров, рекламы, развлечений и «промывки мозгов» через СМИ является именно человек толпы, созданной его бессмысленной «цивилизованной» жизнью.

По сути, «В Америке» Горького — это живая и наглядная антиутопия, которая не требует выдумывания некого гипотетического мира будущего, но рождается просто из вдумчивого всматривания в то, что уже существует. Американский образ жизни и американское мироощущение, претендующие на мировое господство в качестве всеобщего стандарта, есть не что иное, как смерть Человека, мир «последнего человека» (Ф.Ницше).

Недавнее появление статьи А.В. Науменко-Порохиной «Поэтика контраста в цикле А.М. Горького «В Америке» — отрадный факт, показывающий актуализацию интереса к этому произведению историков русской литературы. Впрочем, ее понимание образной системы этого произведения остается вполне традиционным, мало отличающимся от формулировок монографий и учебников советского периода: «Город Желтого дьявола, — это образ-символ капиталистического мира, метафора так называемой новой жизни, а точнее, смерти человеческой души в новой общественно-экономической формации, не предусматривающей даже такого в человеке. А определение статуи Свободы одним из эмигрантов как «американского бога» тоже весьма символично, симптоматично. Ее «холодное лицо и мертвые глаза» и при этом поза гордого величия и красоты внешней, — вот прообраз американского народа, точно и провидчески угаданный писателем, прочувствованная им трагедия личности в этом обществе». Этой в целом правильной трактовке образной системы очерков не хватает именно завершающей «формулы».

Следует отметить, что инфернальная символика в творчестве Горького встречается не единожды. В своем позднем очерке «По Союзу Советов» (1929) он писал: «В

Баку я был дважды: в 1892 и в 1897 годах. Нефтяные промысла остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада. Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки утращенного разума, все попытки проповедников терпения и кротости ужаснуть человека жизнью с чертами, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адом. Я — не шучу. Впечатление было ошеломляющее.

Тем самым, нельзя считать, что применение инфернальной символики связано с каким-то предвзятым отношением писателя именно к США. Но именно по отношению к Нью-Йорку эта символика достигла у Горького своего максимального художественного воплощения.

Поскольку базовым «художественным мифом» в творчестве писателя является сюжет преображения человека к новой жизни через гибель старого мира, то инфернальная символика и должна занимать в рамках этого «мифа» одно из ключевых положений. Поэтому инфернальный образ Нью-Йорка ни в коей мере не может рассматриваться всего лишь как некое социальное и идеологическое «обличение» буржуазной цивилизации. Этот образ является, в первую очередь, наиболее концентрированным выражением того ненормального состояния человеческого бытия, от которого человек может и обязан освободиться во всем мире, а не только в Америке.

С другой стороны, особая инфернализация именно Америки уже до очерков Горького имела определенную традицию и в русской, и в мировой литературе. Так, Пушкин в очерке «Джон Теннер» писал об Америке его времени следующее: «Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все воззывающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих рабость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному ostrакизму».

Чарльз Диккенс в своих «Американских заметках» отметил практически то же самое, что и Пушкин: «...до тех пор, пока американские газеты будут представлять собой такое же или почти такое же гнусное явление, как сейчас, нет никакой надежды на сколько-нибудь значительное повышение морального уровня американского народа». Диккенс надеется, что наступят времена, «когда люди, в большей или меньшей степени, наделенные достойными чертами ума или характера, смогут завоевать в Америке более или менее видное общественное положение, не пресмыкаясь и не раболепствуя перед этим чудовищем порока; когда выдающиеся личные качества того или другого гражданина перестанут быть объектом нападок; когда доверие общества к кому бы то ни было не будет подрываться наветами и узы, основанные на общественной порядочности и чести, будут хоть сколько-нибудь уважаться; когда хоть один человек в этой Свободной Стране будет обладать свободой выражать свое мнение и считать, что он может думать, что хочет, и высказываться, как хочет, без униzierительной оглядки на цензуру, которую он в глубине души бесконечно ненавидит и презирает за ее разнудданное невежество и низкую бесчестность».

Выдающийся английский мыслитель и писатель XX века Г.К. Честертон в своей книге «Чарльз Диккенс» — философской биографии классика — подчеркивает: «Янки довели его до бешенства не разногласиями, а единодушием. Все называли себя республикой, мощной и самобытной нацией... трудно не сойти с ума, когда с утра до ночи они твердят это друг другу в каждом вагоне и салуне... Он слышал эти истины девятьсот девяносто девять раз, но, услышав в тысячный, понял, что они — ложь... Диккенс разочаровался в Америке и вознегодовал против тирании общественного

мнения не только потому, что был типичным англичанином, то есть ярым приверженцем личной свободы... ему было противно, что американцы вечно красуются перед зеркалом; он не вытерпел тирании большинства не столько потому, что от нее страдало меньшинство, сколько потому, что большинство проявляло такое тупое и повальное самодовольство».

Среди знаменитых современников Горького очень близкую ему характеристику Америки можно обнаружить в письмах Федора Шаляпина, написанных «по горячим следам» его гастролей в этой стране. В письме Шаляпина к М.Горькому из Нью-Йорка от 15 ноября 1907 года «статуя, олицетворяющая свободу, из города выгнана вон и стоит за воротами, она, видимо, оскорблена и потому покрыта пятнами темной ненависти, взор ее, по-моему, с печалью обращен к Европе, кажется, она думает, что там далеко есть хоть какая-нибудь надежда, и кажется, если бы это было возможно, она ушла бы по волнам океана туда к нам, в Европу... Души тут ни у кого нет, а вся жизнь в услужении у доллара».

В свою очередь, в письме к В.А. Теляковскому, написанном после возвращения из США летом 1908 года, Ф. Шаляпин признается: «Да, Америка скверная страна, и все, что говорят у нас вообще об Америке, все это сущий вздор. Говорят об американской свободе. Не дай Бог, если Россия когда-нибудь доживет именно до такой свободы — там дышать свободно и то можно только с трудом. Вся жизнь в работе — в каторжной работе, и кажется, что в этой стране люди живут только для работы. Там забыты и солнце, и звезды, и небо, и Бог. Любовь существует — но только к золоту. Так скверно я еще нигде не чувствовал себя. Искусства там нет нигде и никакого. Например, Филадельфия — огромный город с двумя с половиной миллионами людей, но театра там нет. Иногда приезжает опера из Нью-Йорка и дает архипровинциальные представления какой-нибудь «Тоски» или «Богемы», и местные богачи смотрят, выпучив глаза, ничего, разумеется, не понимая. В Америке не видно птиц, нет веселых собак, ни людей. Дома огромные, угрюмые и неприветливые. Кажется, что там живут таинственные сказочные палачи. Я так счастлив, что оставил эту страну, оставил навсегда».

Таким образом, нет оснований рассматривать очерки Максима Горького как следствие сугубо личного, предвзятого и эксцентричного авторского восприятия. Они являются обобщенным выражением взглядов наиболее выдающихся представителей русской и европейской культур. У Горького эти взгляды получили особое художественное усиление. Последнее тоже глубоко закономерно, поскольку полностью соответствует смысловой структуре художественного мира этого писателя и его мировоззрения в целом.

Особая ценность и непреходящая актуальность очерков «В Америке» определяются тем обстоятельством, что они могут служить отличным художественным средством для той самокритики западной цивилизации, которая всегда была свойственна ее лучшим умам, в отличие от ее корыстных и недалеких апологетов.

Среди таких умов стоит снова обратиться к мнению Г.К. Честертона: «Цивилизацию, которую... называют англосаксонской, разъедает немощь гордыни... Она не только пренебрегает другими странами, но просто думать забыла о них. А когда цивилизация забывает обо всем прочем мире, равнодушно считая его чем-то темным и варварским, судьба ее ясна... Америка... самый настоящий сумасшедший дом, но мы сами идем туда прямой дорогой. Ведь уверенность и даже благополучие почти неотделимы от безумия. Безумец — тот, кто живет в небольшом мирке и считает его большим; тот, кто живет малой частью истины и считает ее Истиной в целом. Он не может представить себе ничего за пределами своей концепции, замысла или видения. И чем резче делится мир на англосаксонский и всех прочих — на нас, великих, и на всех остальных, — тем больше оснований у нас думать, что мы медленно и верно сходим с ума. Чем тверже и благополучнее наше положение, тем яснее, что живем мы в иллю-

зорном мире, ведь реальный мир совсем не благополучен. Чем яснее и четче для нас наше превосходство, тем больше оснований считать, что мы грезим наяву».

Очерки Горького об Америке являются очень ценным лекарством от тех «грез наяву», о которых пишет Честертон и которые, к сожалению, до сих пор свойственны всем наивным поклонникам западной цивилизации по всему миру. Без избавления от этих грез свобода в современном мире, в котором США продолжают пытаться установить свою глобальную диктатуру, невозможна.

И здесь Максим Горький — наш важный и сильный союзник на пути к свободе и преодолению иллюзий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авербах А.Л. Шаляпин в Америке. Неопубликованное письмо Ф. Шаляпина к Максиму Горькому // Прометей: Историко-биографический альманах. Том 2. — М.: Мол. гвардия, 1967. — С. 150-153.
2. Архив А.М. Горького // — URL: <http://home.mts-nn.ru/~gorky/TEXTS/OCHST /PRIM/usapr.htm>
3. Диккенс Ч. Американские заметки // Диккенс Ч. Собр. соч. в 30 томах., — Т.9. — М.: Гос. изд. худ. лит., 1958. — С. 7-309.
4. Горький М. В Америке // Собр. соч. Изд. 3-е. — Т. 4. — М.: ОГИЗ, 1941. — С. 9-48.
5. Горький М. Ответ на анкету американского журнала // Горький М. Собр. соч. в 30 томах., — Т. 25. — М.: Гослитиздат, 1953. — С. 5-7.
6. Горький М. По Союзу Советов // Союз нерушимый. — М.: Мол. гвардия, 1982. — С. 70-166.
7. Науменко-Порохина А.В. Поэтика контраста в цикле А.М. Горького «В Америке» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2014. — Т. 20. — С. 3801 — 3805. — URL: <http://e-koncept.ru/2014/55025.htm>
8. Пушкин А.С. Джон Теннер // Пушкин А.С. Соч. в 10-ти томах., — Т. 7. — М.: Наука, 1964. — С. 434-469.
9. Честерトン Г. Чарльз Диккенс. — М.: Радуга, 1982. — 206 с.